

К. В. ХВОСТОВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРОНИИ

Прония — чрезвычайно сложное и интересное явление византийских социально-экономических отношений — издавна находится в центре внимания византинистов. Исследователи интересовались как специфическими чертами этого института, так и его генезисом, а также сходством и отличиями пронии по сравнению с соответствующими западноевропейскими и восточными институтами. Большинство современных советских и зарубежных исследователей считает, что наиболее распространенным видом пронии XII—XV вв. (до XII в. сведения источников относительно пронии недостаточно ясны) было временное земельное пожалование на условии исполнения государственной службы¹, близкое по своему статусу к западноевропейскому бенефицию и лену. Однако в византиноведческой литературе имеет некоторое распространение и иная точка зрения. Ряд исследователей рассматривает пронию как пожалование налога. По мнению П. Хараниса, прония — это пожалование налога, а не земли². Аналогичная точка зрения в советской литературе высказана А. П. Кажданом. В докладе на XXV Международном конгрессе востоковедов А. П. Каждан определил пронию поздневизантийского времени³, признаваемую им условной поземельной собственностью только *de facto*, а не

¹ Г. Острогорски. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и јужнословенским земљама.— САН, посебна издања, књ. 176, Византолошки институт, књ. 1. Београд, 1951, стр. 37, *passim*; М. В. Левченко. Рец. на кн.: А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952.— ВВ, III, 1953, стр. 280, 282; М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина.— ВВ, XII, 1957, стр. 60—61, 64; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 157; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М.—Л., 1962, стр. 99; E. Stein. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte.— «Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte», II, 1923—1925, S. 9; Д. Ангелов. Феодализм в Византии.— ИП, ч. 3, № 2, 1946/47, стр. 225, 227; D. Zakythinos. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIII-e au XV-e siècle. Athènes, 1948, p. 59 sq.; H. Gregoire, M. Lascaris. Рец. на кн.: Г. Острогорски. Пронија.— BS, 21, 1951, p. 223; G. Valentini. Chiarimenti sulla natura della pronia bizantina attraverso la documentazione della continuazione in Serbia e Albania.— «Atti dello VIII Congresso internazionale di studi bizantini», I. Roma, 1953, p. 498; N. G. Svoronos. Sur quelques formes sur la vie rurale à Byzance.— «Annales», t. 11, 1956, № 3, p. 328; P. Lemerle. La notion de décadence à propos de l'Empire byzantin. Classicisme et déclin culturelle dans l'Islam. Paris, 1957, p. 268; H. Glykatzis-Ahrweiler. La politique agraire des empereurs de Nicée.— Byz., 28, 1958, p. 58; И. Божич. Proniarii et capita.— ЗРВИ, књ. VIII, 1963, стр. 62.

² P. Charanis. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire.— DOP, 4, 1948, p. 88.

³ Только с XIII в., как считает А. П. Каждан, прослеживаются характерные черты пронии как социально-экономического института.

de jure ⁴, как «право на строго ограниченное количество (ποσότης) государственных налогов, взимаемых с определенной территории» ⁵. А. П. Каждан исходит из того, что в протагме Михаила VIII Палеолога от 1272 г., а также в ряде более поздних документов говорится о передаче прониару определенной посотис ⁶.

Впрочем, в своей ранней монографии А. П. Каждан пришел к выводу, что прония только до XIII в. являлась пожалованием налога, а с XIII в. «византийское право приходит к признанию прониара, получателя податей, собственником земли» ⁷. Отметим сразу же, что, на наш взгляд, византийские источники не дают никаких оснований считать XIII век столь важным рубежом в истории пронии, как полагает А. П. Каждан. Исследователи, рассматривающие пронию как пожалование определенной налоговой квоты, исходят из того, что во многих документах, оформляющих пожалование в пронию, говорится о передаче прониару определенной посотис. В связи с упоминанием посотис в источниках ряд исследователей, рассматривающих пронию как земельное владение, считает в то же время, что она произошла из пожалования налога, т. е. пожалование налога — посотис — это правовой генезис пронии. Такого мнения придерживался А. П. Каждан в своей монографии. Он писал: «Прония возникает как пожалование частному лицу известной ренты из суммы государственных податей» ⁸. Позднее, как уже говорилось, Каждан отождествил и пронию позднего времени с посотис, считая, по-видимому, что прония только de facto становится в позднее время земельным владением. Рассматривая развитие пронии в плане эволюции от пожалования налога к приобретению прониаром фактических или юридических прав на землю, А. П. Каждан сближает пронию с мусульманской икта ⁹, которая, как известно, эволюционировала именно в указанном направлении — от пожалования иктадару налога к приобретению им владельческих прав на землю ¹⁰.

⁴ По мнению А. П. Каждана, «юридически прония не составляла собственности на землю. Однако, коль скоро прония получала экономическую реализацию в ренте, она по существу была не чем иным, как особой формой феодальной собственности» (рец. на кн.: G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954.— ВВ, X, 1956, стр. 228, прим. 1). Но попытка констатировать наличие собственности, исходя из рентного характера дохода, означает подмену причины следствием. Ведь не собственные права вытекают из рентных отношений, а наоборот, рентные отношения — из отношений собственности. Это означает, что определенный вид дохода может быть назван рентой только в том случае, если налицо фактические и юридические или только фактические отношения собственности, иначе данный вид дохода является платой, даром, налогом или чем-либо иным, но не рентой. Каждан же исходит из рентного характера дохода как из посылки, что неверно.

⁵ А. П. Каждан. Формы условной собственности в Византии в X—XII вв.— «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 6.

⁶ В этой связи, несколько забегаая вперед и предваря дальнейшее доказательство, отметим, что, хотя мы и согласны с пониманием Кажданом, а также Харанисом и Дэльгером термина «посотис» в документах, относящихся к пронии, как суммы государственных налогов, пожалованных прониару, однако считаем, что такая трактовка термина не является самоочевидной, она требует обоснования. Указание Каждана на то, что именно таково значение термина «посотис» в Трактате об обложении, еще не доказательство. Ведь посотис, означающее в переводе с греческого количество, может относиться ко всякому количеству и не обязательно иметь строго технический смысл определенной налоговой квоты. Кстати, Г. Острогорский понимает посотис в документах, относящихся к пронии, а также и в монастырских документах как годовой доход (об этом ниже). Мы постараемся дальше доказать значение посотис в названных документах как пожалованного налога.

⁷ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 216.

⁸ Там же.

⁹ А. П. Каждан. Формы условной собственности..., стр. 6.

¹⁰ Cl. Cahen. L'évolution de l'iqta du XI-e au XIII-e siècle.— «Annales», t. 8 1953, № 1, p. 32 sq.

Г. Острогорский отождествил пронию с османским тимаром¹¹. Османский тимар, как показали новейшие исследования, также эволюционировал от пожалования тимариоту права на взимание налога к пожалованию или фактическому приобретению им владельческих прав на землю¹². Впрочем, Г. Острогорский решительно противопоставляет пронию пожалованию налога¹³, поэтому отождествление им пронии с тимаром выглядит весьма непоследовательным. Ф. Дэльгер также полагал, что первоначально прония была лишь пожалованием налоговой квоты и лишь постепенно превратилась в земельное владение¹⁴. Более широко правовой генезис пронии понимает М. Я. Сюзюмов. Он полагает, что первоначально под пронией подразумевалось пожалование различных прав: права на землю, на управление и ведение хозяйства, на сбор налогов и т. д.¹⁵, а позднее она превращается в земельное владение типа бенефиция.

В данной работе делается попытка детально рассмотреть вопрос о значении термина «посотис» в отношении пронии. Мы постараемся выяснить, в какой мере сведения источников о передаче или владении прониаром определенной посотис отражают действительный статус пронии или ее генезис.

Прежде всего, на наш взгляд, не вызывает сомнения тот факт, что во всяком случае с XII в. (с этого времени мы располагаем более или менее ясными сведениями источников относительно пронии) наиболее распространенным видом пронии была прония — земельное владение, причем владение не только *de facto*, но и *de jure*. О том, что прония с юридической точки зрения являлась земельным пожалованием, свидетельствуют следующие данные. Во-первых, далеко не во всех документах говорится о пожаловании определенной посотис. В некоторых документах прония трактуется как земельное владение. В хрисовуле Андроника II Георгию Трулину от 1318 г. говорится, что последний владеет (*κέκτηται*)¹⁶ в районе Серр икономией (термин, аналогичный пронии), в состав которой входят 1600 модиев, передаваемые ему настоящим хрисовулом в наследственное держание. Тщательно описаны границы икономии¹⁷. В орисмосе Андроника III протовестиариту Андронику Кантакузину от 1327 г. предписывается передать прониару Мартину вместо отобранной у него пронии владение равных размеров из свободных, заброшенных земель: *ἀπὸ ἐξαλειμματικῶν καὶ ἐλευθέρων ἕτερων ἰσότοπον*¹⁸. В решении дуки Фессалоник от 1162 г. по поводу спора между прониаром Панкратием Анемой и пари-

¹¹ Г. Острогорски. Пронија, стр. 176.

¹² В. П. Мутафчиева. Аграрные отношения в Османската империя през XV—XVI вв. София, 1962, стр. 68. Отметим, кстати, что, по-видимому, в таком же направлении, т. е. от пожалования налога к пожалованию или узурпации владельческих прав, развивался и могольский джагир (К. А. Антонова. Очерки общественных отношений и политического строя Индии времен Акбара. М., 1952, стр. 72).

¹³ Г. Острогорски. Пронија, стр. 48.

¹⁴ F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. — In: Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 227.

¹⁵ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина, стр. 60.

¹⁶ Этот документ показывает, что вряд ли можно согласиться с Г. Острогорским, полагающим, что в отношении вещных прав прониаров и вотчинников в византийских официальных документах употреблялась разная терминология. Собственнические права вотчинника, по мнению Острогорского, обозначались при помощи глагола *κτᾶσθαι*, тогда как владельческие права прониара — посредством глаголов *ἔχειν* и *κατέχειν* («Пронија», стр. 66). Очевидно, глагол *κτᾶσθαι* употреблялся и в отношении пронии. Кстати, Ф. Дэльгер считает, что названные термины — синонимы. См. F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1960, S. 143.

¹⁷ A. Guillou. Les archives de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Ménécée. Paris, 1955, № 8.

¹⁸ Ibid., № 22.

ками монастыря Лавры относительно некоего земельного участка говорится, что прониар владел проастием¹⁹. Можно было бы продолжить перечень источников, в которых речь идет о владении прониара землей²⁰. Для нас важно отметить, что само упоминание в императорских жалованных грамотах о вещных правах прониара на землю свидетельствует, что такие права существовали *de jure*. Наиболее ярким доказательством наличия у прониара владельческих прав на землю являются засвидетельствованные источниками земельные тяжбы между прониарами и монастырями. Один из фессалийских монастырей вел тяжбу с прониаром Мармарой из-за села Врasto. Прониар, отстаивая свои права на это село, утверждал, что он владел в качестве пронии всем округом Триновий, а село Врasto входит в этот округ. Крестьяне этого села уплачивали прониару десятину — мурту²¹. Мы видим, что в данном случае спор шел из-за того, кому должен принадлежать титул собственности на землю, а отнюдь не из-за налоговых поступлений с этой территории. Прониар с этих париков вообще получал не налог, а мурту — арендную плату. Хотя в данном судебном процессе был удовлетворен иск монастыря, а ответчику прониару было отказано в его притязаниях на землю, но самый факт возможности разбирательства в гражданском судебном процессе споров о земле, когда в качестве одной из сторон выступал прониар, недвусмысленно свидетельствует о том, что прониары юридически признавались земельными владельцами. Отличие этой земельной тяжбы от споров только из-за налога с определенной территории очевидно. Например, в простагме Андроника III от 1333 г. доместику Макрину говорится о том, что Меникейский монастырь уплачивал с принадлежащей ему земли 7 перперов некоему Преакоцелу. Игумен монастыря просил пожаловать монастырю на данное владение полный податной иммунитет. Преакоцелу должна быть дана другая посотис²². В данном случае разбирается вопрос не о земле — собственные права монастыря на данное владение никто не оспаривает, а о налоге с этих владений. Пожалование налога без пожалования владельческих прав, известное в Трактате об обложении как солемний, имело место в Византии²³, однако это пожалование не имеет ничего общего с тем видом

¹⁹ G. Rouillard, P. Collomp. *Actes de Lavra*. Paris, 1937 (далее — *Actes de Lavra*), № 57; Г. Острогорски. Пронија, стр. 20 сл.

²⁰ Об этом свидетельствуют, например, документы от 1235 г., относящиеся к земельной тяжбе между париками прониара Сиргариса и монастырем Лемвиотиссы (MM, VI, p. 36—37). Об этом споре см. Г. Острогорски. Пронија, стр. 48 сл.

²¹ MM, IV, p. 212—214.

²² A. Guillou. *Les archives...*, № 29.

²³ Г. Острогорский решительно противопоставляет солемний пронии земельному пожалованию («Пронија», стр. 48). Каждый отождествляет пронию и солемний («Формы условной собственности...», стр. 5). Укажем некоторые примеры пожалования солемния, относящиеся к разным периодам византийской истории. В акте апографевсов от мая 1409 г., составленном по поводу передачи Дохиарскому монастырю ряда отобранных у него ранее владений, говорится о том, что часть государственных налогов с этих владений должна поступить прониарам (F. Dölger. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*. München, 1949, № 63). Прониары в данном случае — правители области, они не получали никаких вещных прав на территорию, налоги с которой им были пожалованы. В этом значении термин «прония» встречается в поздневизантийское время наряду со значением условное земельное владение (Г. Острогорски. Пронија, стр. 122 сл.). Такой же характер носило пожалование протосеасту Адриану налога с владений Лавры, засвидетельствованное хрисовулом Андроника Комнина от 1084 г. (*Actes de Lavra*, № 39). В хрисовуле специально подчеркивается, что Адриан не получал никаких вещных прав на территорию, принадлежавшую монастырю, налоги с которой ему передавались. По мнению П. Лемерля, в Византии со времени Мануила Комнина получила распространение практика пожалования стратиотам в качестве платы налога с определенной деревни без передачи каких-либо вещных прав на эту деревню (P. Lemerle. *Les recherches sur le régime agraire à Byzance à l'époque des Comnènes*.—*Cahiers de civilisation médiévale*, 1959, № 3, p. 272 sq.).

византийской пронии, которая получила наибольшее распространение в средне- и поздневизантийский период. Пожалование налога без передачи собственнических прав на землю — солемний — означало, что переданный налог являлся даром или платой. Подобного рода пожалования действительно в какой-то мере сходны с османским тимаром или мусульманской икта в их классическом виде и должны быть решительным образом противопоставлены прониарскому землевладению. Отличие икта и тимара от солемния заключается, в частности, в том, что византийский солемний не превращался с течением времени в земельное владение, как это случилось с икта и тимаром²⁴.

Прония — условное земельное владение, аналогичное византийской пронии, — имела распространение в районе Скадр, находящемся под венецианской властью. Об этом свидетельствуют интересные данные из неопубликованных документов венецианских архивов, собранные в статье И. Божича. Эти данные показывают, что в XV в. в районе Скадр пожалование в пронию считалось отчуждением земли (*alienatio*), тогда как села, находившиеся под управлением местных управителей (*capita*), рассматривались как принадлежавшие Республике (*bona nostri comunis*)²⁵. Такой же характер, как известно, носила сербская прония. Итак, в Византии, по крайней мере с XII в., имела распространение прония — условное земельное пожалование. Поэтому, думается, неправ А. П. Каждан, утверждая в своей монографии, будто прония стала земельным владением только в XIII или даже в XIV в. (см. выше, стр. 213). Каждан игнорирует такие документы, как постановление по поводу спора париков Панкратия Анемы и Лавры, а также серию документов, относящихся к тяжбе париков Сиргариса и монастыря Лемвиотиссы, т. е. документы XII — первой половины XIII в. Однако эти документы по характеру сообщаемых в них сведений не отличаются от документов конца XIII—XIV в., на основании которых Каждан делает вывод о признании поздневизантийским правом владельческих прав прониара.

До сих пор, стремясь показать землевладельческий характер пронии, мы отталкивались от документов, в которых речь идет о владельческих правах прониара. Но как быть с документами, где говорится о пожаловании в пронию или о владении прониаром определенной посотис? Означает ли формула о владении или пожаловании прониару определенной посотис отсутствие вещных прав на землю? Иными словами, отражает ли эта формула существование определенной категории пронии, являющейся лишь пожалованием налога, как считает П. Харанис, или эта формула отражает правовой генезис пронии, как утверждал в своей ранней монографии А. П. Каждан?

Постараемся проанализировать эту формулу. В хрисовуле Андроника II от 1317 г. говорится о передаче Меникейскому монастырю поля (*ἀγρίδιον*), которым ранее владел (*κατείχε*) стратигот Мартин, ценностью (посотис) в 24 номисмы²⁶. Из протагмы Андроника II от 1325 г. кефале фемы Волеру, также относящейся к этой передаче, выясняется, что поле указанной ценности находилось ранее в икономии, т. е. пронии, у Мартина²⁷. В протагме Андроника II от 1325 г. domestiku Иоанну Тарханиоту также говорится, что Мартин владел полем как икономией ценностью (посотис) в 24 номисмы на основе практика²⁸. Итак, в рассмотренных документах

²⁴ О причинах особенностей в развитии икта и тимара, с одной стороны, и солемния, с другой, мы скажем ниже. См. стр. 226.

²⁵ И. Божич. *Proniarii et capita*, стр. 62, 69.

²⁶ A. Guillou. *Les archives...*, № 7. 17—19.

²⁷ *Ibid.*, № 16. 9.

²⁸ *Ibid.*, № 17. 6—7.

формула о владении посотис сочетается с указанием на то, что прониар владел землей. Посотис означает денежную оценку земли и не исключает наличия владельческих прав на землю.

Ярким свидетельством того, что применение термина «посотис» может предполагать наличие вещных прав на землю, является употребление этого термина в документах, в которых речь идет о пожаловании пронии в наследственное владение. В этом случае говорится о праве прониара производить всевозможные изменения и улучшения в отношении переданной ему пронии²⁹ (т. е. прямо указывается на пожалование вещных прав на землю).

Итак, упоминание посотис в документах, относящихся к пронии, не означает отсутствия вещных прав на землю. Таким образом, точка зрения Хараниса и Каждана (см. его доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов) не представляется убедительной.

Но в какой мере справедливо предположение исследователей о том, что посотис в документах, относящихся к пронии, отражает правовой генезис пронии, т. е. точка зрения Дэльгера и Каждана, высказанная в его монографии? В целях выяснения этого вопроса обратим внимание на следующий факт. Формула о передаче или владении посотис употребляется не только в грамотах, жалуемых прониарам, но нередко и в грамотах, предоставляемых монастырям. В рассмотренном выше хрисовуле Андроника II от 1317 г., в котором говорится о передаче Меникейскому монастырю поля, которым ранее владел прониар Мартин, в *dispositio* постановляется, что монастырь должен владеть указанной посотис *ἀναποσπάστως καὶ ἀδιασείστως*³⁰. В простагме 1325 г. Иоанну Тарханиоту говорится, что монастырю передается поле определенной посотис, которым он должен владеть неотъемлемо³¹. Ниже постановляется, что монастырь должен владеть переданной ему посотис: *κατέχειν καὶ δεσπόζειν αὐτῇ δὴ τὴν ποσόττηα*³². О пожаловании монастырю определенной посотис говорится также и в монастырских практиках, составленных или в связи с передачей монастырю новых владений, или по поводу подтверждения собственнических прав на прежние владения³³.

В документах, относящихся к монастырскому землевладению, посотис также означает денежную оценку земли, находящейся или передаваемой в собственность монастырю. Причем иногда, например в рассмотренных простагмах, посотис обозначает самое земельное владение, так как говорится, что монастырь должен владеть переданной ему посотис. Итак, рассмотренные документы показывают, что употребление термина «посотис» в отношении монастырей отнюдь не исключает, а, наоборот, предполагает наличие вещных прав на землю в их наиболее полном выражении, а именно—юридический статус собственности. Это, во-первых, лишней раз подтверждает, что употребление этого термина в отношении пронии также подразумевает пожалование вещных прав, а кроме того — и это главное, — употребление термина «посотис» в монастырских документах показывает, что само по себе применение этого термина никак не может свидетельствовать о правовом генезисе института, в частности правовом генезисе пронии, так как иначе, если быть

²⁹ См. об этих документах Г. Острогорскн. Пронија, стр. 85.

³⁰ A. Guillou. Les archives..., № 7. 21—22.

³¹ Ibid., № 17. 11—13.

³² Ibid., № 17. 23.

³³ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika des XIV. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1949, passim; Actes de Zographou, ed. W. Regel, E. Kurtz.—BB, XIII, 1907, № 17, 21, 53; Actes de Xénophon, ed. L. Petit.—BB, X, 1903, № 6, 7, 9, 10.

последовательным, необходимо было бы признать, что и в монастырских документах посотис отражает правовой генезис монастырской собственности. Однако заведомо известно, что монастырская собственность в Византии возникала иными путями, главным образом в результате государственных земельных пожалований, подчинения свободной крестьянской общины, земельных дарений, продажи и завещаний частными лицами.

Таким образом, нет никаких оснований рассматривать термин «посотис» в документах, относящихся к пронии, как отражение ее правового генезиса³⁴. В то же время употребление этого термина в монастырских документах дает основания полагать, что как в монастырских, так и в прониарских документах этот термин имеет совершенно иное содержание. Если нет достаточных оснований рассматривать посотис в документах, относящихся к пронии, как отражение ее юридического статуса или правового генезиса, то соответственно и нет оснований для отождествления правового статуса или правового генезиса и путей эволюции пронии с икта и тимаром. Однако, возможно, прония имеет сходство с названными восточными институтами в другом отношении. Пожалование какому-либо лицу, находящемуся на государственной службе, налога с определенной территории, что составляло неотъемлемый атрибут названных восточных институтов, означало ограничение размерами пожалованного налога эксплуатации зависимого населения со стороны лиц — получателей налога: иктадара, тимариота или джагирдара. Такое ограничение означало регламентацию со стороны государства частновладельческой эксплуатации крестьян, ограничение частновладельческой инициативы эксплуататоров. При названных формах землевладения — икта, тимаре и джагире — государственный налог, хотя и переданный землевладельцу и, следовательно, с социально-экономической точки зрения превратившийся в феодальную ренту, продолжал регламентироваться публичным правом, так же как и налоги, взимаемые государством, т. е. эта рента не приобретала частнопрового характера, как большинство рент на Западе, а сохраняла публичноправовой характер.

Возникает вопрос, означало ли упоминание о посотис в византийских документах, относящихся к пронии и монастырскому землевладению, также ограничение размеров частновладельческой эксплуатации переданной налоговой квотой? Если это так, то можно считать, что в отношении форм частновладельческой эксплуатации Византия приближалась к названным восточным формам эксплуатации и существенно отличалась от феодального Запада, где эксплуатация регламентировалась частным правом, принимавшим в средние века, как правило, форму обычного права, и ни в коей мере не ограничивалась размерами пожалованного государственного налога.

Постараемся проанализировать содержание термина «посотис» в монастырских документах, относящихся к частному земельному владению. Выше говорилось, что «посотис» употребляется в монастырских практиках и означает денежное выражение какого-то дохода. По мнению В. Мошина, Г. Острогорского, А. П. Каждана, Г. Г. Литаврина, Б. Т. Горянова³⁵, в практиках зафиксирована феодальная рента, т. е. реальный

³⁴ Этот вывод не означает, конечно, что в Византии не было ни одного случая происхождения пронии — земельного владения — из пожалования налога. Такая эволюция, безусловно, могла иметь место, однако речь идет не об этом. Главное состоит в том, что термин «посотис», употребляемый в документах, относящихся к пронии, не отражает эту эволюцию, а имеет иное содержание.

³⁵ В. М о ш и н. Зографские практики. — «Сборник в чест на П. Ников». София, 1940, стр. 293—294; Г. О с т р о г о р с к и й. Византийские писцовые книги. — BS, IX, № 2, Прага, 1948, стр. 240; о н ж е. Радоливо. — ЗРВИ, 7, 1961, стр. 70 А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии..., стр. 129; Г. Г. Л и т а в -

доход монастырей. При этом А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, Б. Т. Горянов полагают, что посотис — это переданный налог, а Г. Острогорский — что это среднегодовой доход³⁶. В отличие от указанных авторов, рассматривающих посотис как реальный доход, Ф. Дэльгер, напротив, считает, что один из элементов посотиса, а именно суммы, характеризующие доход с монастырских домениальных земель, — это мнимые, упраздненные суммы, обозначающие пожалованный и упраздненный государственный налог, не взимаемый в наличных деньгах и обозначающий лишь величину императорского дара³⁷. Практик деревни Мамицоны, принадлежавшей Хиландарскому монастырю, несколько проясняет вопрос о сущности посотиса.

В практике Мамицоны говорится, что доход с 600 модиев земли лучшего качества, обрабатываемой при помощи барщинного труда, составляет 24 перпера³⁸. Это равно 1 перперу с 25 модиев. Предположим урожайность сам-два, явно заниженную для земель лучшего качества³⁹, и цену для модия зерна, равную 1 перперу⁴⁰. В таком случае урожай с 25 модиев земли составит 50 модиев, что будет равняться денежному валовому доходу в 50 перперов и чистому доходу, если предположить простое воспроизводство (а мы имеем право принять в наших расчетах простое воспроизводство, даже если оно было расширенным, так как некоторые остальные данные, которыми мы оперируем, а именно урожайность, несомненно занижены; по тем же причинам мы можем пренебречь и другими возможными расходами, например на содержание барщинников), в 25 перперов. Таким образом, доход, полученный при расчетах с явно заниженными данными, в 25 раз превосходит указанную в практике сумму в 1 перпер. Если даже мы примем цену за 1 модий зерна около $\frac{1}{3}$ перпера (как считает Г. Острогорский⁴¹), то и тогда валовой доход с 25 модиев земли составит приблизительно 15—16 перперов, а чистый доход — $7\frac{1}{2}$ —8 перперов. Мы не можем, конечно, считать, что в рассматриваемый период цена 1 перпер за 1 модий зерна имела наибольшее распространение. Наблю-

р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 172—173; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм, стр. 233.

³⁶ Г. Острогорский. Пронија, стр. 69—70, 79.

³⁷ F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., S. 192; idem. Sechs byzantinische Praktika..., S. 15.

³⁸ Actes de Chilandar, ed. L. Petit.— ВВ, XVII, 1911, № 92.

³⁹ При тщательной обработке земли урожай могли быть весьма значительными. Евстафий Солунский, например, писал, что с обработанного им участка в 3 медимна он получил 59 медимнов (Eustatii Metropolitae Thessalonicensis opuscula, ed. G. L. F. Tafel. Francofurti ad Moenum, 1832, p. 155. 69—71). Как правило, однако, урожай в Византии были, по-видимому, невысоки. Производительность сельскохозяйственного труда находилась на низком уровне. Византийская упряжка осталась неизменной со времен античности, в силу чего весьма незначительно возросла и производительность труда (G. Lefebvre de Noëttes. La système d'attelage du cheval et du boeuf à Byzance.— Mélanges Ch. Diehl, t. I. Paris, 1930, p. 189 sq.).

⁴⁰ Большинство исследователей полагает, что со второй половины XIII в. наиболее распространенной была цена 1 перпер за 1 модий. См. S. Novaković. Le prix normal du blé à Constantinople pendant le moyen âge et le code de Stephan Doušan empereur des Serbes.— Archiv f. Slavische Philologie», Bd. 27, 1905, p. 173; G. I. Brătianu. L'Hyperpère byzantin et la monnaie d'or des republics italiennes au XIII-e siècle.— Mélanges Ch. Diehl, t. I, p. 37; Δ. Ζακυφινός. Περὶ τῆς τιμῆς τοῦ σίτου ἐν Βυζαντίῳ.— ΕΕΒΣ, 12, 1936, σελ. 389—391; I. Richard. Le problème du blé à Byzance.— «Information historique», t. 19, 1957, p. 64; В. Крекич. Dubrovnic (Raguse) et Levant au moyen âge. Paris, 1960, p. 93; H. Antoniadis-Bibicou. Recherches sur le Douanes à Byzance. Paris, 1963, p. 56.

⁴¹ Г. Острогорский считает, что во второй половине XIII в. наиболее распространенной была цена $\frac{1}{3}$ перпера за модий, тогда как в XIV в. цены должны были возрасти более чем в два раза, но менее чем в три (G. Ostrogorsky. Löhne und Preise in Byzanz.— ВЗ, 32, Hf. 2, 1932, S. 323). Однако он допускает некоторые ошибки в рассуждениях, на которые указал Закифинос (op. cit., σελ. 391).

далось, бесспорно, значительное колебание цен. Цены варьировались по районам, а также в зависимости от качества зерна. Кроме того, модии как мера объема, равно как и модии в качестве меры земельной площади, также варьировали. На состояние цен влияло также хождение разной монеты в стране ⁴². Поэтому, для того чтобы проверить наш расчет, воспользуемся сопоставлением некоторых данных, содержащихся в одном и том же источнике. Мы избежим этим самым опасности использования цифровых данных, в основе которых лежат разные критерии, что весьма часто случается, когда применяют статистический метод к материалам средневековых источников.

В практике Ивирского монастыря в комплексе домениальных владений названа земля размером в 900 модиев II и III качества, про которую говорится *ἀδιάστῆτος* ⁴³, что означает «не переданная в крестьянское владение». Эта земля, по-видимому, обрабатывалась при помощи барщины. Доход с земли составлял, согласно практике, 10 перперов, т. е. 1 перпер с 90 модиев. Но в том же практике приводятся размеры пакта — арендной платы, составляющие 1 перпер с 8—9 модиев ⁴⁴. Таким образом, перед нами парадоксальный факт: доход с земель, обрабатываемых при помощи барщины, в 10 раз меньше, чем доход от арендной платы. Это явное несоответствие, по-видимому, можно объяснить, только предположив, что с домениальных земель, обрабатываемых при помощи барщины, в практиках Ивирского монастыря зафиксирован не весь действительный доход, а лишь часть его. Что же это за часть дохода? Поскольку нормы обложения, зафиксированные в практиках, совпадают с нормами обложения государственным налогом в трактатах землемеров ⁴⁵, можно полагать, что перед нами государственный налог, пожалованный монастырю вместе с данной территорией, причем налог, который после пожалования монастырю не перестает регламентироваться публичным правом, т. е. становясь с социально-экономической точки зрения феодальной рентой, с юридической точки зрения являясь рентой публичноправового характера. Следовательно, не прав Г. Острогорский, считая, что в практиках посотис означает среднегодовой доход. Правы А. П. Каждан, Б. Т. Горянов и Дэльгер, полагая, что посотис — это пожалованный налог. Однако А. П. Каждан, Б. Т. Горянов, а также Г. Г. Литаврин и В. Мошин не правы, рассматривая посотис как реальную феодальную ренту; в действительности посотис — это только очень незначительная часть ренты. Можно привести еще некоторые данные, свидетельствующие, что в практиках зафиксирован переданный земельному собственнику государственный налог с домениальных земель.

В этом убеждает практик Морей, в котором говорится, что переданный землевладельцу доход с земель, не поделенных на стаси, исчислялся независимо от урожая ⁴⁶. Ясно, что сумма, не зависящая от урожая, не может обозначать реальный доход ⁴⁷. Во II трактате землемеров для вычисления доходов землевладельца применяются расценки, не имеющие ни-

⁴² Δ. Ζαχιστινός. *Op. cit.*, σελ. 390—391.

⁴³ F. Dölger. *Sechs byzantinische Praktika...*, A. 363.

⁴⁴ *Ibid.*, A. 316; K. 435/36; P. 423/24; V. 331; A. 387/88; K. 516/17; V. 397.

⁴⁵ Ф. И. Успенский. *Византийские землемеры.* — «Труды VI Археологического съезда». Одесса, 1888, стр. 306 сл.

⁴⁶ J. A. Buchon. *Nouvelles recherches historiques sur la principauté française de Morée*, t. II. Paris, 1843, p. 60.

⁴⁷ Это могло бы иметь место только при стабильной арендной плате, взимаемой с земельной площади независимо от урожая. Арендная плата такого рода существовала в Византии — это пакт; однако пакт всегда специально называется в практиках. В то же время наиболее распространенной арендной платой была морта, взимаемая как доля урожая.

чего общего со ставками, фигурирующими в практиках в качестве доходов с домениальных земель. Если в практиках суммы дохода с домениальных земель (равно как и нормы государственных налогов в трактатах землемеров) составляют 1 перпер с 25—100 модиев, то примененные во II трактате землемеров расценки для вычисления доходов землевладельцев составляют 1 перпер с 1—3 модиев. Эти расценки совпадают с приведенными в том же трактате рыночными ценами на землю⁴⁸. Это также показывает, что суммы, названные в практиках как доходы с домениальных земель, в действительности ни в коей мере таковыми не являются. Таким образом, очевидно, в практиках при помощи термина «посотис» фиксируется далеко не весь доход с домениальных земель, а только государственный налог, переданный землевладельцу в результате пожалования податного иммунитета.

Правда, мы не можем согласиться с Ф. Дэльгером, что переданный землевладельцу налог с домениальных земель — мнимая, нереальная сумма, не взимаемая в наличных деньгах и обозначающая только величину императорского дара. Мы можем только сказать, что эта сумма не исчерпывала всех доходов земельного собственника, а составляла лишь часть их⁴⁹. Этот вывод влечет за собой важные заключения. Очевидно, все доходы землевладельца с домениальных земель, составляющих значительные земельные комплексы в несколько сотен модиев, во много раз превосходящие надельные земли париков, остаются в практиках незафиксированными.

Каковы же эти доходы?

С домениальных земель — это, по-видимому, исключительно доходы частнопроводного происхождения: частнопроводная рента и арендная плата. Но эти доходы регламентировались обычаем и не фиксировались практиками. В практиках лишь иногда указывалось количество барщинных дней, которыми были обязаны парики⁵⁰, но не величина дохода, получаемого от барщины. Однако посотис в монастырских практиках включает не только суммы налога с домениальных земель, но и телос, взимаемый с париков и также представляющий собой публичноправовую ренту. Однако телос, по-видимому, не исчерпывал всех доходов с паричских стасей. Как свидетельствуют некоторые источники, с паричских стасей наряду с телосом взималась и частнопроводная рента. Например, в орисмосе Андроника II Палеолога монастырю св. Дионисия от 1417 г. телос противопоставляется *τὸ δέκατον* и *τὸ εἰσόδημα*. Дэльгер полагает, что под *τὸ δέκατον* и *τὸ εἰσόδημα* подразумеваются частнопроводные сборы⁵¹. Кроме того, о существовании частнопроводной ренты, взимаемой с паричской стаси, наряду с телосом свидетельствуют зафиксированные грамотами, главным образом XI—XII вв., многочисленные случаи уплаты в казну основного налога, тогда еще не носившего названия телос, а называвшегося *δημόσιος κάτων*. Совершенно очевидно, что в случае уплаты основного налога с паричских стасей в казну землевладелец реализовал свое право собственности посредством взимания частнопроводной ренты. Интересные сведения на этот счет содер-

⁴⁸ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры, стр. 306.

⁴⁹ Иногда эта часть доходов взималась не отдельно, а в составе общих доходов с данного земельного комплекса, как бы растворяясь в них. Иногда налог с домениальных земель взимался землевладельцем отдельно, а именно — он перекладывался на париков. Об этом свидетельствует практик, выданный прониару Михаилу Мономаху в 1333 г. в связи с пожалованием ему части его пронии в наследственное безусловное владение. В практике говорится, что домениальные земли размером в 575 модиев были переданы в держание парикам на основе уплаты икуменона в 7 перперов (*Actes de Zographou*, № 29).

⁵⁰ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika..., RK. 337.

⁵¹ F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., № 30. 10, 12; Bem. 10.

жаты в исокодике села Радоливо от 1198 г.⁵², составленном в связи с передачей владелице данного села монахине Марии куропалатиссе государственных налогов с париков этого села. До настоящего пожалования парики села Радоливо уплачивали налоги не своей владелице, а государству. В то же время несомненно, что и до пожалования куропалатиссе государственных налогов с принадлежащего ей на правах собственности села она эксплуатировала принадлежащих ей париков. Очевидно, она взимала с них частнопровую ренту, и, вероятно, они исполняли не только барщину, которая в Византии, как правило, бывала невелика, но платили и определенные взносы частнопрового происхождения.

Таким образом, и в отношении парических стасей можно считать, что суммы, обозначающие переданный землевладельцу государственный налог и называемые термином «посотис», не включали всех действительных доходов землевладельца. В целом можно сказать, что под термином «посотис», обозначавшим сумму государственного налога, переданного землевладельцу, не подразумевались все действительные доходы землевладельца от эксплуатации зависимого населения. Итак, в отношении монастырских земель посотис обозначает один из видов частновладельческой ренты, а именно публичноправовую ренту. Рента частнопрового характера не подразумевалась под посотис и вообще не записывалась в практики.

Однако если в отношении монастырского землевладения посотис употреблялся для обозначения одного из видов частновладельческой ренты — ренты публичноправового характера, то возможно, что и в отношении прониарского землевладения посотис употреблялся в том же значении, т.е. обозначал публичноправовую ренту, тогда как частнопровая рента, так же как и в отношении монастырских земель, оставалась незафиксированной и регламентировалась обычаем⁵³. В таком случае применение термина «посотис» в отношении прониарских земель не означало ограничения и строгой регламентации размеров эксплуатации переданным налогом, а связано было со спецификой византийских юридических документов, фиксирующих только публичноправовые отношения и публичноправовые сборы⁵⁴.

Постараемся выяснить, каково значение формулы о пожаловании или владении определенной посотис в документах, относящихся к пронии, Формула о передаче или владении посотис употребляется, как уже говорилось, и в случаях передачи всей пронии или ее части прониару в наследственное владение. При этом говорится, что прониар может производить всевозможные усовершенствования и улучшения, т.е. совершенно оче-

⁵² F. Dölger. Aus den Schatzkammern..., № 65. 13—15. Об этом документе см. Г. Г. Д и т а в р и н. Болгария и Византия..., стр. 102, прим. 92.

⁵³ Частнопровые отношения, регламентируемые обычаем, в Византии в отличие от Запада не принято было записывать. Это объясняется влиянием римской юридической практики на византийское правосознание. Тем не менее обычное право, являющееся равновидностью гражданского частного права (различие между публичным и частным правом никогда не исчезало из Византии — см. Basilicorum libri LX, ed. G. E. Heimbach, t. I. Lipsiae, 1883, lib. II, titl. 1, p. 343; C o n s t. N a r m e n o p u l i Hexabiblos, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851, lib. I, titl. 1, p. 26), всегда признавалось в Византии юридической нормой. См. Basilicorum libri LX, lib. I, titl. 1, p. 39 sq.; C o n s t. N a r m e n o p u l i Hexabiblos, lib. I, titl. 1, p. 30. Следует отметить, что обычное право в Византии складывалось уже в эпоху кризиса рабовладения. Римский и эллинистический обычай были в значительной степени искоренены в IV в., в эпоху формирования византийской автократии. Новый обычай формировался в условиях нового социально-экономического развития. По существу это был такой же феодальный обычай, как на Западе.

⁵⁴ Византийские практики по своему формуляру восходят к позднеимским кадастрам, поэтому они в отличие от западноевропейских опшесей фиксируют только пожалованный земельному собственнику налог.

видно, что он может увеличивать переданный ему доход. Яркий пример применения формулы о передаче посотис к землям, передаваемым в наследственное владение за службу, содержится в хрисовуле Иоанна Кантакузина Димитрию Кавасиле от 1347 г. Получателю передается в наследственное владение с правом производить всевозможные усовершенствования посотис размером в 250 перперов⁵⁵. В состав переданной посотис входит деревня Катакали, икономия некоего умершего Гавры в Каламарии, пахотная земля в деревне Плайина и Ферма, а также виноградник, сдаваемый в аренду. Все передаваемые владения находились ранее в распоряжении государства: τῶν ὄντων μὲν πρότερον δημοσιακῶν. В dispositio хрисовула приводится обычная формула, гласящая, что получатель должен владеть переданной посотис неотъемлемо и на правах родовой вотчины (κατὰ λόγον γονιμότητος), передавать по наследству, улучшать, т. е., очевидно, он мог увеличивать переданный доход⁵⁶. Увеличение размеров доходов сверх пожалованной суммы государственного налога — посотис могло происходить, бесспорно, только за счет взимания частнопроводной ренты. Поэтому можно считать, что в отношении пронии, передаваемой в наследственную собственность, формула о пожаловании посотис, так же как и в отношении монастырей, обозначает только определенную долю доходов — пожалованный налог, ренту публичноправового характера. Это формула, фиксирующая освобождение от уплаты налога и отнюдь не означающая регламентацию размеров эксплуатации зависимого населения суммой, указанной посотис. (От развернутой иммунитетной клаузулы, встречающейся в хрисовулах, формула о пожаловании посотис отличается только тем, что подразумевает освобождение только от одного налога — поземельного.) Поэтому прония (во всяком случае прония, передаваемая по наследству, — о пронии — временном пожаловании мы еще скажем особо) и в этом отношении существенно отличалась от османского тимара и мусульманской икта, сущностью которых было пожалование строго определенной суммы налога и регламентация размеров эксплуатации. Таким образом, существует сходство в документах, относящихся к пронии и к тимару, но различие в характере самих институтов.

Однако, может быть, термин «псотис» употребляется все же для обозначения ограничения размеров эксплуатации тогда, когда речь идет о пронии, не передаваемой по наследству? Иными словами, возникает вопрос, мог ли прониар, не получивший права передавать свою пронию по наследству, эксплуатировать крестьян по своему усмотрению, т. е. увеличивать свои доходы посредством взимания частнопроводной ренты, или же его доходы ограничивались переданным государственным налогом? Думается, прониар и в случае временного пожалования земли в пронию был хозяином земли, т. е. мог эксплуатировать зависимое население по своему усмотрению. Он мог взимать частнопроводную ренту как феодальный сеньор. Прониару иногда передавались в пронию земли, не заселенные держателями (ἐξάλειμματα). Эти земли обычно эксплуатировались на условиях сдачи в аренду. Наиболее распространенной арендной платой была морта, составляющая $\frac{1}{10}$ часть урожая. Морту уплачивали прониару Георгию Ангелу эпки деревни Малахион, точно так же они должны были уплачивать морту всякому прониару, который имел бы в какой-либо период данное село в пронии⁵⁷. Парики села Врasto уплачивали морту прониару Мармаре⁵⁸. Если учесть, что византийские прониары позднего

⁵⁵ Ed. Г. N. Θεοχαρίδης. — «Ελληνικά», 17, 1962, σελ. 5—6.

⁵⁶ Ibid., σελ. 5. 43—55.

⁵⁷ MM, VI, p. 212.

⁵⁸ MM, IV, p. 419—420.

времени обладали судебным и административным иммунитетом⁵⁹, то надо полагать, что арендная плата носила частнопрововой характер, т. е. сроки и прочие условия аренды определялись на территории прони без вмешательства государства. Прониары в районе Скадр, как утверждает И. Божич, эксплуатировали крестьян не только путем взимания в свою пользу государственного налога, но и получали ренту частнопровового характера (*regalias honorificentias*), регламентируемую обычаем. Со стороны центральной власти была сделана попытка регламентировать частнопрововые поборы прониара. Однако эта попытка не увенчалась успехом: прониары продолжали эксплуатировать зависимых крестьян, взимая частнопрововую ренту по обычаю⁶⁰.

Итак, эксплуатация крестьян в Византии на землях прониаров, так же как и на землях монастырей, носила как публичноправовой, так и частнопрововой характер. Никакого ограничения, никакой строгой регламентации размеров эксплуатации париков переданной суммой государственного налога не существовало. Поэтому эксплуатация прониарских земель в Византии не имела ничего общего с эксплуатацией в Османской империи земель, налоги с которых передавались в тимар, а также эксплуатацией земель, жалуемых в икта.

Подведем итоги. Встречающаяся в византийских документах формула о пожаловании прониару определенной посотис, т. е. о передаче ему государственного налога, создающая иллюзию о сходстве юридического статуса прони с юридическим статусом тимара и икта, в действительности не отражает ни юридического, ни реального статуса прони; следовательно, эта формула существенно отличается по своему назначению от формулы пожалования налоговой квоты в османских документах, оформляющих пожалование в тимар. Как показало исследование В. Мутафчиевой и как уже отмечалось, в Османской империи пожалование тимариоту определенной доли государственных налогов с определенной территории, во-первых, отражало юридический статус тимара; во-вторых, оно являлось исходным моментом дальнейшей эволюции тимара, превращавшегося в земельное владение; в-третьих, оно означало, что данный налог будет взиматься тимариотом в его пользу и этой суммой должны быть ограничены, во всяком случае формально-юридически, его доходы. Таким образом, сумма, обозначающая величину переданного налога, — это сумма, показывающая действительные доходы тимариота⁶¹. В Византии формула о пожаловании прониару определенной посотис, содержащаяся в относящихся к прони документах, не имела никакого отношения к правовому статусу или правовому генезису прони — земельного владения. Кроме того, употребление формулы о пожаловании посотис не предполагало, что доходы прониара должны исчерпываться именно этой посотис. Это пожалование означало только то, что прониар не будет уплачивать эту сумму в казну. Действительные же доходы прониара превосходили величину посотис и состояли в значительной части из частнопрововых сборов. Посотис с домениальных земель вообще иногда растворялась в общей массе доходов и не взималась как самостоятельная доля.

Возникает вопрос, чем же объяснить частое употребление в документах, оформляющих пожалование в пронию, а также иногда и в монастырских документах формулы о пожаловании определенной посотис? По-видимому, это объясняется тем, что податной иммунитет играл в Византии особую роль, в чем проявляется одно из существенных отличий византийского социально-правового развития от Запада. Разветвленная система

⁵⁹ Г. Острогорски. Пронија, стр. 78.

⁶⁰ И. Божич. *Proniarii et capita*, стр. 68.

⁶¹ В. П. Мутафчиева. Указ. соч., стр. 231.

налогов, восходящая по своему происхождению еще к Римской империи, а также сильная государственная власть — вот факторы, обусловившие особую роль податных привилегий в публично-правовых отношениях в Византии. Но почему формула о пожаловании посотис особенно часто встречается в документах, относящихся к пронии? Это связано с тем, что прония — это условная и временная собственность, в отношении которой государство не отказывалось окончательно от своих прав. Публично-правовые отношения между прониаром и государством — пожалование налога — особенно важно было фиксировать, так как этот налог мог возвратиться к государству после прекращения существования пронии.

Если термин «посотис» в документах, относящихся к пронии, не является отражением ее правового генезиса, то возникает вопрос, каков же все же правовой генезис пронии, условного земельного владения, т. е. какие институты и отношения, существовавшие в византийском обществе, могли в процессе своей дальнейшей эволюции вызвать к жизни пронию как условное земельное пожалование? Думается, в этом отношении в основном верно мнение М. Я. Сюзюмова, полагающего, что в качестве правового генезиса пронии следует рассматривать пожалования различного рода прав. А. П. Каждан также справедливо указывает, что в источниках XI—XII вв. прония употребляется не в узком техническом смысле, а имеет весьма широкое значение, обозначая иногда управление церквями и монастырями (т. е. употребляется в значении, близком к харистикью⁶²), иногда она обозначает наместничество, иногда употребляется в значении икономии, господства⁶³. Мы не можем, однако, согласиться с Кажданом, что «общее, имевшееся во всех этих учреждениях, заключалось в праве извлечения доходов»⁶⁴. Ниже Каждан поясняет, что доход извлекался в форме взимания налогов — посотис⁶⁵. Думается, что содержание термина «прония» во всех вышеуказанных случаях значительно шире. Прония означает пожалование не только государственного налога, но и определенных функций управления. В целом можно сказать, что прония в широком смысле — это разного рода попечительства над различными хозяйственными, административными и церковными объектами. Об этом свидетельствует и этимология слова «прония», означающего провидение, заботу. Распространение в Византии различного рода попечительств и явилось правовым генезисом пронии — условного земельного пожалования, распространенного в XII—XV вв., так как этот вид пронии являлся совокупностью целого ряда прав: прав землевладения, судебного и административного иммунитета и т. д., т. е. означал попечительство над данной территорией в самом широком смысле слова, как и всякая другая форма феодального землевладения. В позднее время термин «прония», обозначая обычно условное земельное пожалование, иногда, так же как и в XI—XIII вв., употреблялся для определения разного рода попечительств. Мы уже упоминали об акте апографевсов от 1409 г., составленном в связи с возвращением Дохиарскому монастырю ряда отобранных у него ранее владений, в котором под прониарами подразумеваются правители областей.

Таким образом, правовой генезис пронии — земельного владения отражает самый термин «прония», а не термин «посотис», который обозначает только пожалование податного иммунитета и употребляется в отношении всех форм землевладения.

⁶² А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии..., стр. 209; Г. Острогорский. Пронија, стр. 11.

⁶³ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии..., стр. 211.

⁶⁴ Там же, стр. 213.

⁶⁵ Там же, стр. 215.

Мы уже отмечали, что византийский солемний — право на взимание налога — не эволюционировал, в отличие от икта или тимара, в направлении к превращению в земельное владение.

Причины этого, по-видимому, следующие. В Византии в отличие от Османской империи имело широкое распространение пожалование земельных владений. Частное землевладение признавалось официальным римско-византийским правом. В условиях практики массовых земельных пожалований в Византии у получателя солемния не возникло потребности в узурпации владельческих прав, так как он и без того владел землей: либо пожалованной ему за службу в полное безусловное или временное условное владение, либо вотчиной, перешедшей к нему по наследству. Иначе обстояло дело в Османской империи, где в условиях господства государственной собственности на землю и отсутствия (или почти отсутствия) частной собственности на землю, при отсутствии практики пожалования земельных владений, естественно, возникала тенденция к превращению первоначального права на взимание налога в земельное владение, что достигалось путем узурпации или пожалования владельческих прав.

Вполне справедлива, на наш взгляд, точка зрения, сближающая правовую статус пронии с западноевропейским бенефицием⁶⁶. Прония, как и бенефиций, — условное землевладение, жалуемое за службу: не только за военную службу, но и за другие виды государственной службы (например прония Михаила Мономаха). Возникает вопрос, являлась ли прония с юридической точки зрения собственностью или владением? Собственность по римскому праву — это право наиболее полного господства над вещью в пределах объективного права (т. е. действующих в рассматриваемый период правовых норм). Владение — это фактическое господство над вещью. Если владелец высказывал намерение обладать вещью как собственностью, т. е. имел *animus possidentis*, то такое владение рассматривалось в римском праве как юридическое владение в отличие от владения, когда владелец признавал над собой другого собственника. Этот последний вид владения рассматривался как естественное владение или держание (*possessio naturalis, detentio*)⁶⁷. Поскольку даже в случае перехода пронии по наследству прониар, по-видимому, не имел возможности свободно отчуждать свое владение, то прония, с точки зрения римского права, — это юридическое владение. Однако такое определение справедливо лишь при условии, если византийское правосознание не изменилось с римских времен, а также осталось неизменным объективное право. Но этих условий не существовало. Объективное право средне- и поздневизантийского времени было иным, чем в римскую и познеримскую или ранневизантийскую эпоху (Юстинианово право). Хотя римское право и признавалось в Византии на протяжении всего ее существования официально действующим правом, однако правовые нормы римского права составляли только часть византийского объективного права. Наряду с нормами римского права возникли новые правовые нормы, закрепляющие новые правоотношения и зафиксированные в мно-

⁶⁶ Острогорский сближает пронию и с бенефицием («Прония», стр. 12) и леном (там же, стр. 37). Однако с леном можно отождествлять только пронию, получившую статус наследственного владения. В то же время, как свидетельствует хрисовул Андроника II Феодору Номикопулу от 1288 г., в Византии в конце XIII в. имело место и наследственное пожалование на условии исполнения службы (см. F. Dölger. Ein Chrysobull des Kaisers Andronikos II für Theodoros Nomikopoulos. *Parasporà*. Ettal, 1961, S. 189—193), имевшее юридический статус типа западноевропейского лена, но не носившее названия пронии.

⁶⁷ В. М. Хвостов. История римского права. М., 1916, стр. 246.

гочисленных императорских документах⁶⁸. К числу таких правоотношений следует в первую очередь отнести пожалование иммунитетных привилегий, пожалование владений в пронию, юридический статус пронии, состояние парикии. Составной частью византийского объективного права является также каноническое право и обычное право. Последнее регламентировало прежде всего частнопрововую эксплуатацию крестьян⁶⁹. Так как объективное право Византии изменилось по сравнению с позднеримской эпохой, то естественно предположить, что изменилось и правосознание.

Правосознание должно было измениться не только в связи с возникновением новых правовых норм, но главным образом под влиянием новых социально-экономических отношений.

Но если изменилось объективное право и правосознание, то не исключено, что в рамках нового объективного права новое правосознание вкладывало новое содержание в старое определение римским правом собственности как наиболее полного господства над вещью. Другими словами, наиболее полное господство над вещью понимается иначе, чем в римскую эпоху. По-видимому, именно так и было. Определение собственности и владения по римскому праву сохранилось на протяжении всей византийской эпохи, оно содержится и в правовом сборнике XV в. — Шестикнижье Арменопула⁷⁰. Но в это определение стали вкладывать новое содержание. В эпоху формирования крупного феодального землевладения в Византии распространяется понимание земельной собственности как сословного института. Различается собственность свободная, обязанная только уплатой государственного налога, и собственность подчиненная, принадлежащая не находящимся в зависимости от частного лица парикам-гоникариям. Если позднеримские и ранневизантийские колонны рассматривались как физические владельцы, не имеющие *animus possidentis*, то поздневизантийское правосознание признает за париками некоторые элементы *animus possidentis*. Об этом свидетельствуют различия между позднеримскими кадастрами и поздневизантийскими практиками. В позднеримских кадастрах земли, находящиеся в держании колоннов или рабов, фиксируются не как имущество этих последних, а в той же рубрике, что и остальные земли землевладельца, эксплуатируемые иным способом⁷¹. Такой способ фиксации отражает отсутствие *animus possidentis* у колоннов и рабов. В поздневизантийских практиках земли, находящиеся в распоряжении париков, записаны за ними в тот же стих (графу) практика, в котором записаны сами парики, члены их семьи и движимое имущество. Подобный способ фиксации свидетельствует о наличии элементов *animus possidentis* у поздневизантийских париков. Этот факт отражает характерную для феодализма двойственную структуру собственности. Кроме того, распространяется представление о собственности как о господстве не только над землей, но и над зависимым населением. Крупный землевладелец, даже если он, как прониар, не мог полностью распоряжаться землей, считался владельцем земли париков-гоникариев принадлежащего ему села, хотя парики имели в некоторых отношениях больше правомочий в отношении своих наделов, чем прониары в отношении своих проний. В хрисовулах неоднократно говорится о

⁶⁸ Вопрос о византийских хрисовулах как источниках права должен стать предметом самостоятельного исследования.

⁶⁹ В практиках неоднократно указывается, например, что размеры барщины регулировались обычаем.

⁷⁰ Const. Armenopuli Hexabiblios, lib. II, titl. 4.

⁷¹ J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958, S. 48—51.

париках, как о принадлежащих прониару⁷²; мы уже отмечали, что о прониаре в грамотах говорится, как о владельце села.

Изменения в правосознании отражают развитие феодальных отношений. В позднее время в Византии распространяются формы условного землевладения, аналогичные западноевропейскому лену. Прежде всего, прония иногда передается в наследственное владение под условием исполнения службы. Такова, например, прония, переданная хрисовулом Иоанна V Палеолога Георгию Кацаре (1351 г.). Прониар мог передавать свою пронию по наследству при условии, что наследники будут выполнять по отношению к государству ту же службу, какой был обязан и сам получатель⁷³. Димитрию Кавасиле, как уже отмечалось, за службу было передано земельное владение стоимостью в 250 перперов. Феодору Номикопулу было подтверждено земельное владение *κατὰ λόγον ὅμι* хотитос при условии исполнения службы (1288 г.)⁷⁴. В отношении этих пожалований употребляются те же термины для характеристики вещных прав, что и в отношении безусловной собственности (*ἔχειν, κατέχειν, κατ᾽ οὐδαι*).

Итак, в Византии получает распространение новый феодальный взгляд на собственность и новые формы землевладения — прония и условное наследственное земельное владение, регламентируемое новыми правовыми нормами, создаваемыми императорскими хрисовулами. С точки зрения феодального правосознания, эти формы землевладения — условная собственность. Мы можем добавить, что прония и условное наследственное владение — это условная феодальная собственность.

Отметим также, что, на наш взгляд, несправедлива точка зрения Н. Звороноса, считающего, что в Византии господствовала римская квиритская собственность, которая, по его мнению, непрерывно увеличивалась⁷⁵. Прония, полагает Зворонос, превращалась в квиритскую собственность, так как жаловалась в наследственное владение. Однако в действительности это владение обуславливалось нередко государственной службой и, следовательно, становилось аналогичным не римской квиритской собственности, а западноевропейскому лену. Что же касается монастырской собственности, то это тоже не квиритская собственность, а совершенно новый вид собственности, регламентируемый в значительной степени каноническим правом. Единственным видом византийской собственности, который можно считать с юридической точки зрения близким римской квиритской собственности, являлась крупная вотчина и собственность свободных крестьян. Но поскольку в Византии происходил непрерывный рост монастырской собственности, сопровождавшийся превращением свободных крестьян в частнозависимых, а также возникновение новых форм условной феодальной собственности, то нет никаких оснований считать, что в Византии возрастала римская квиритская собственность.

Возникновение в Византии новых форм собственности, новых правоотношений показывает также, что не правы П. Лемерль и Н. Зворонос, считающие, что Византия являлась античным государством. Применительно к отношениям собственности это во всяком случае не так. Не только возникновение новых форм собственности, но и изменение общественных отношений вообще привело к тому, что даже тогда, когда римские правовые

⁷² См., например, Actes de Lavra, № 57.

⁷³ X. Κ τ ε ν ᾱ ς. Χρυσόβουλλοι λόγοι τοῦ Δοχειαρίου. — ΕΕΒΣ, 4, 1927, № 5.

⁷⁴ F. D ö l g e r. Ein Chrysobull des Kaisers Andronikos II..., S. 189—191.

⁷⁵ N. G. S v o r o n o s. Sur quelques formes sur la vie rurale..., p. 129.

нормы применялись в Византии в отношении землевладения (известны, например, судебные разбирательства по поводу установления добросовестного или недобросовестного характера владения ⁷⁶), они получали новое содержание. Не замечать этого — значит сводить общественные отношения к правовым отношениям и к правовым нормам. Именно это и характерно для взглядов П. Лемерля и Н. Звороноса. Только правовые нормы и правовые отношения, по мнению П. Лемерля и Н. Звороноса, отражают характер общественного развития. Если правовые нормы и правовые отношения остались без изменения, то, согласно их воззрениям, не изменились и социальные отношения. Новые явления общественной жизни Византии, не зафиксированные новыми правовыми нормами, рассматриваются Лемерлем как факты, а не как институты ⁷⁷.

Воззрения П. Лемерля и Н. Звороноса в какой-то мере примыкают к взглядам нормативистов — представителей одного из направлений современной правовой буржуазной науки. Нормативизм, как известно, восходит идеологическими корнями к позитивизму и неокантианству. Сторонники нормативизма отрывают правовую норму и правовые отношения от реальной действительности. Правовую норму они выводят из правовой идеи, трансцендентной по отношению к реальной действительности. Предметом правовой науки, по мнению нормативистов, являются только правовые нормы и правоотношения, при этом юристы не должны интересоваться экономическим, политическим и нравственным содержанием правовых норм. Ограниченность подобных воззрений очевидна. С их помощью невозможно объяснить многие явления общественной жизни. Правовые нормы и правоотношения нередко оставались неизменными на протяжении столетий и эпох. Римское право действовало в древнем Риме, в Западной и Восточной Европе в позднее средневековье, а также нашло применение в новое время. За этот период произошли крупнейшие изменения в экономической, социальной и культурной истории человечества. Рассматривая в качестве исходной посылки концепции общественного развития правовую норму, т. е. явление относительно стабильное, нормативисты, а также П. Лемерль и Н. Зворонос, естественно, принижают роль развития в истории человечества. Они не признают того факта, что новые социальные отношения приносят новое содержание в старые правовые нормы. Старые нормы применяются к новым видам собственности — монастырской, пронии и т. д.

Однако и византийская крупная вотчина, аналогичная в юридическом отношении римской собственности, отличалась от последней своим феодальным характером. Все формы византийской крупной собственности, основанной на массовой эксплуатации зависимого крестьянства, возникшие в результате массовых пожалований в частную собственность сел, населенных зависимыми держателями, отражают феодальный характер отношений и феодальный характер собственности. Иными стали и формы общественного ограничения собственности. Всякая собственность во все эпохи подвергалась и подвергается общественному ограничению в интересах всего общества. Эти ограничения носят социально-политический характер и не затрагивают юридического статуса собственности. Античная собственность подвергалась ограничению в интересах всего полиса. В Западной Европе в эпоху средневековья общественное ограничение собственности проявилось в ее иерархической структуре. В Византии общественное ограничение собственности проявлялось прежде всего в

⁷⁶ J. B. P i t r a. *Analecta sacra et classica specilegio solesmensi parata*, vol. VI. Paris et Romae, 1891, p. 319 sq.

⁷⁷ P. L e m e r l e. *La notion de décadence...*, p. 270.

наличии публичноправовых видов ренты, что, безусловно, означало сужение экономических прерогатив собственника.

Являясь условной земельной собственностью и будучи сходной с бенефицием, прония в то же время отличалась от бенефиция. Особенно сильно прония отличалась от бенефиция и лена в экономическом отношении, т. е. в отношении форм эксплуатации зависимого населения. Тот факт, что одним из элементов эксплуатации зависимого населения в пронии, равно как и во владениях монастырей, являлась рента публичноправового характера, т. е. налог, не утративший связей с государственной налоговой системой, налог по существу, а не генетически, налог, размеры которого определялись государственным чиновником, свидетельствует об известном сходстве с эксплуатацией в османском мюлке и вакуфе. Как показано в неоднократно упоминаемой книге В. Мутафчиевой, в османском мюлке и вакуфе рента также состояла из двух частей: с основного контингента держателей взималась рента лишь публичноправового характера — переданный государственный налог, частнопровую ренту уплачивали только вновь переселившиеся держатели⁷⁸.

Итак, византийская прония — весьма специфичный социально-правовой институт. Она не может быть полностью сведена ни к восточным, в частности османским, ни к западноевропейским соответствующим формам и отношениям. В то же время прония содержит черты, родственные и восточным и западным соответствующим формам. Эта специфика византийской пронии обусловлена в конечном счете двумя факторами: сильной центральной властью, сближающей византийский политический строй с политическим строем восточных монархий (именно политический строй, а не государственный, так как государственный строй Византии, восходящий к позднееримскому государственному устройству, существенно отличался от государственного строя восточных монархий) и разветвленной системой налогов, с одной стороны, и частной собственностью на землю — с другой.

Второй из названных факторов — частная собственность на землю, признаваемая действующим византийским правом, — обусловил правовой статус пронии, являющейся земельным пожалованием, близким к западноевропейскому бенефицию, а не пожалованием только налога, и преобладание частнопрововой эксплуатации на территории пронии. Первый из названных факторов — сильная центральная власть и разветвленная система налогов — обусловил наличие форм публичноправовой эксплуатации и особенности составления юридических документов, фиксирующих только публичноправовую ренту и не фиксирующих частнопровую. Таким образом, под влиянием этого фактора сложились те черты византийского социально-правового развития, которые сближали Византию с Востоком. В целом же, поскольку публичноправовая рента играла незначительную роль в Византии, можно считать, что сильная центральная власть обусловила не столько особенности социально-экономического развития пронии (последние сформировались главным образом под влиянием иных, названных выше факторов, сближающих Византию с Западом), сколько особенности их правового оформления, т. е. специфику юридических документов, фиксирующих в первую очередь публичноправовые отношения, особенно интересовавшие центральную государственную власть в Византии.

⁷⁸ В. П. Мутафчиева. Аграрные отношения..., стр. 155.